

К несчастью, на второй странице Бай Ифань написал по номерам вопросов ADBDC, а перевернув — CADBC.

Учитель Чжао не заметил, продолжал неистовствовать, не прекращая рычать.

Бай Ифань подумал, что учитель Чжао немного похож на Ма Цзинтао.

Учитель Чжао игнорировал всё, переворачивал страницы:

— Заполнение пропусков тоже с выбором, ты не мог бы наугад написать!

Заполнение пропусков тоже было полным.

Учитель Чжао перевернул на последнюю сторону:

— Сочинение тоже —

Наконец запнулся.

Сочинение слишком сильно бросалось в глаза. Чжао Цянфу увидел, что пустое место заросло буквами, лицо стало странным, перевернул к первой стороне, в графе имени действительно было «Бай Ифань».

В этот момент многие учителя случайно увидели буквы на листе Бай Ифаня, все доброжелательно промолчали.

Бай Ифань вовремя защитился:

— Чтение и заполнение пропусков я написал.

Чжао Цянфу губы задрожали, скользнул взглядом по листу, стал придирается:

— А почерк в сочинении — что за чертовщина!

На самом деле почерк был красивым, просто с вычурными связками.

Тут дверь учительской открылась, вошел учитель. Конечно, сначала никто не заметил, пока тот не сказал:

— Эй, а этот курсив неплох.

Учитель, не будьте так прямолинейны!

Все обернулись, говорящим был мужчина средних лет, старомодные очки закрывали поллица.

Учитель математики Ша.

В этот раз Бай Ифань не стал вспоминать, слова «учитель Ша» сразу выскочили. Это была гордость гимназии, много лет преподавал в девятых классах. Бай Ифань больше всего запомнил последний урок математики в девятом классе, этот учитель написал на доске: «Терпимость, уверенность, упорство, усердие, дружелюбие, честность». Говорили, это его напутствие всем выпускникам.

Этот учитель точных наук имел душу литератора, казалось, был фанатом каллиграфии. Не

только разбирался в китайской каллиграфии, но и немного изучал иностранную.

Бай Ифань подхватил:

— Учитель Ша, посмотрите ещё.

Учитель Ша не церемонился, подошел, поправил очки, удивленно:

— Copperplate?

Бай Ифань честно ответил:

— Да.

Если копать глубже, английский каллиграфический шрифт Copperplate более каноничен, чем курсив.

Бай Ифань был таким чудачком: чтобы не делать одно дело, заставлял себя делать остальные на пределе. Сдавая английский шестой уровень в университете, чтобы один раз сдать на высокий балл и больше не трогать учебники, он заставил себя выучить несколько наборов английской каллиграфии. Писать английский шрифтом Copperplate было одним из последствий того времени.

— Неплохо, неплохо. Хороший почерк. Ручкой владеешь сноровисто.

Учитель Ша хвалил, и доброжелательно напомнил:

— Только на контрольных лучше не писать таким вычурным шрифтом. Учителя, проверяющие работы, грубые, не разбираются в каллиграфии, решат, что это чертовщина.

Учитель Ша, ну зачем так...

Учитель Чжао невинно попал под раздачу, был назван грубым, лицо позеленело. Но против авторитета и стажа не попрешь, да и учитель Ша славился добротой, не тот, кто специально унижает, скорее всего, правда случайно так сказал.

— В следующий раз напишу курсивом, — Бай Ифань принял к сведению добрый совет учителя Ша.

Учитель Ша словно открыл новый континент:

— Курсив хорошо, аккуратно! Еще какие-либо шрифты умеешь?

При хороших бумаге и чернилах Бай Ифань мог написать немного готики и круглого письма.

Но видя, что лицо учителя Чжао вот-вот взорвется, Бай Ифань ушел в сторону:

— Специально не учил, только пером переписывал «Орхидейный павильон» и «Священное учение».

— Неплохо, неплохо.

Учитель Ша все больше радовался, улыбнулся, похлопал Бай Ифаня по плечу:

— Раз так пишешь, математику тоже выучишь!

Бай Ифань: ... Эта логика слегка волшебна.

Но Бай Ифань все же чувствовал, что его поддержали.

Учитель Чжао же оказался не к месту заброшенным, стал фоном для злодея, оттеняя доброту учителя Ша, лицо стало еще зеленее.

Звонок на урок спас всех.

— Иди на урок.

Учитель Чжао немного растерялся, сейчас не хотел видеть Бай Ифаня, но не удержался:

— Раз так пишешь, английский тем более должен учить.

Бай Ифань: ...

Одни и те же слова, почему от разных людей звучат по-разному?

Но Бай Ифань вспомнил, почему в девятом классе был таким слабым.

Грубо говоря, подростковый бунт встретится с подростковым бунтом классовухи, неизбежная катастрофа.

В этом возрасте малейшее эмоциональное колебание разливается по восприятию всего мира. А именно учитель Чжао меньше всех любил Бай Ифаня, типа несовместимости характеров. Трагедия стала необратимой.

Девятиклассник Бай Ифань ненавидел Чжао Цянфу, поэтому ненавидел всю школьную жизнь.

Бай Ифань вернулся в класс, отодвинул стул, сел, чувств было много.

Этот способ ненасильственного несотрудничества, результатом которого было снижение собственных оценок, не мешая другим получать зарплату, вредя себе, не вредя врагу, совсем не героический. О чем я думал тогда?

Сейчас урок математики, Бай Ифань закончил самобичевание, достал из рюкзака пачку листов по математике. Открыл страницу. Как громом ударило, лицо в крови, в голове крутились два слова: тайный код!

Три минуты урока прошло, учитель Ша не пришел, Бай Ифань еще не оправился от шока. В классе зашептались. Сидевший в третьем ряду Чэн Ихао неохотно встал и вышел, через минуту вернулся.

Чэн Ихао сказал:

— Пока занимайтесь сами, учитель Ша скоро будет.

Сказав, Чэн Ихао взглянул на Бай Ифаня, лицо стало странным.

Бай Ифань вспомнил, Чэн Ихао был старостой по математике.

Прошло еще десять минут, разговоры в классе становились всё громче, учитель Ша вошел с конспектом под мышкой и чашкой чая в руке, шагал спокойно.

— На урок.

— Встаньте!

Чэн Ихао на передней парте позвал без сил.

— Ладно, садитесь, садитесь, сегодня по листу.

Учитель Ша поправил очки, улыбался радостно.

Бай Ифань смотрел на лист, ноги все еще были ватными. А на уроке учитель Ша обходными путями хвалил Бай Ифаня раз восемнадцать, основная мысль — раз почерк хороший, значит и математика будет хорошей.

— Любой контрольной есть балл за чистоту. Учитель, проверяя, видит аккуратный красивый почерк, сердце склоняется. Скажем, по математике некоторые ученики решают верно, но пишут как куры лапой, это очень неправильно. Некоторые пишут английские буквы с завитушками, первое впечатление хорошее, учитель хочет дать больше баллов. Хочешь получить низкий балл — трудно.

Бай Ифань чувствовал огромное давление.

После урока по громкой связи заиграл «Марш спортсменов», понедельник — подъем флага. Все достали форму, укутались и вышли строиться, учитель Ша оставил Бай Ифаня.

— Бай Ифань, раз так пишешь, жаль не делать домашку, жаль не заполнять листы.

Учитель Ша говорил сам себе:

— Не только по математике, по другим предметам тоже, особенно по английскому. Ты при поступлении в класс неплохо начал, в следующем месяце городская пробная, хотя бы двадцать лучших в классе.

В классе 9-12 всего шестьдесят два ученика.

Бай Ифань хотел спросить у неба, когда же можно переродиться.

— Учись хорошо. Ваш учитель Чжао не верит, что ты можешь, а я с ним поспорил.

Учитель Ша легко бросил:

— Если проиграю, моему старому лицу негде будет быть.

Бай Ифань: ...

Учитель, можно намекнуть, на что спор?

Учитель Ша изучал военное искусство, на самом деле воспользовался утренней ситуацией, чтобы сыграть на опережение. Про спор учитель Чжао понятия не имел!

Но учитель Ша был высокого уровня, Бай Ифань не разоблачил.

Бай Ифань был отпущен учителем Ша, спустился с трудом, вся голова была занята «двадцатью лучшими в классе». Спустившись вниз, увидел толпу людей, очнулся.

Утром, когда приходил, в школе было пусто, сейчас стояли ученики. Бай Ифань совершенно не помнил, где территория его класса, искал долго, пока не увидел ориентир — учителя Чжао.

Учитель Чжао стоял, руки за спиной, ноги на ширине плеч, прядь волос, которую он отбросил, ругая Бай Ифаня, вернулась на место.

Увидев, как Бай Ифань подбегает, учитель Чжао сделал вид, что ничего не видит.

Чэн Ихао подмигнул ему, перед ним было свободное место. Бай Ифань понял, встал туда.

Чэн Ихао тихо сказал:

— Классрук знает, что учитель Ша тебя задержал для разговора.

Сказав, посмотрел, как учитель Чжао ушел назад, снова подвинулся к Бай Ифаню:

— Я когда в учительскую заходил, тетю Юй видел.

Бай Ифань: !!!

Бай Ифань повернулся, уставился на Чэн Ихао, в голове пронеслась утренняя оценка учителя Чжао — на уроках не слушает, домашку не пишет, даже диплом не получит.

<http://bllate.org/book/16710/1535614>